

**«ЖИЗНЬ И ПОХОЖДЕНИЯ В. И. ПИЧЕТЫ»,
ИЛИ НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ БЕЛОРУССКИХ МАРШРУТОВ
ИСТОРИКА В «ПРОФЕССОРСКОМ ВАГОНЧИКЕ» НАУКИ**

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь, helgoleg@mail.ru*

На основе малоизвестных и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов прослеживаются важные вехи творческого пути выдающегося историка, первого ректора Белорусского государственного университета Владимира Ивановича Пичеты. Главное внимание обращено на то, как ученый — глубокий знаток белорусской истории — с начала 1920-х гг. и вплоть до своей кончины в 1947 г. стремился представить читателю разного уровня подготовки научное прочтение всех этапов развития белорусского этноса и белорусской государственности.

Ключевые слова: Пичета В. И.; автобиографии; история Беларуси; рукопись «История Белоруссии».

**“LIFE AND ADVENTURES OF V. I. PICHETA”,
OR SOME STORIES OF BELARUSIAN ROUTES
OF A HISTORIAN IN THE “PROFESSOR'S CARRIER”
OF SCIENCE**

O. A. Yanousky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk,
Republic of Belarus, helgoleg@mail.ru*

Based on little-known and first introduced into scientific circulation archival materials, important milestones in the creative path of an outstanding historian, the first rector of the Belarusian State University Vladimir Ivanovich Picheta are traced. The main attention is paid to how the scientist – a deep connoisseur of Belarusian history – from the early 1920s until his death in 1947 sought to present to readers of different levels of training a scientific reading of all stages of the development of the Belarusian ethnos and Belarusian statehood.

Keywords: Picheta V. I.; autobiographies; history of Belarus; manuscript “History of Belarus”.

Творческая жизнь историка за многие годы пребывания в науке претерпевает самые разные коллизии. Они определяются как эволюцией личного свойства (рост профессионализма, изменение пристрастий к темам и историческим периодам, карьерными перемещениями по научным институтам и др.), так и обстоятельствами объективными, в большей части общественно-политическими (в том числе изменениями во властной политике в части использования прошлого на потребу настоящего).

Жизненный и творческий путь, пройденный (а, может быть, все же — осиленный) Владимиром Ивановичем Пичетой, являет собой яркий

пример таких (и, конечно, иных) коллизий. О нём написано достаточно много всякого рода текстов: порой, диаметрально противоположных по оценкам, а тем более по компетентности (то есть знанию и владению многообразием документов) и пониманию многогранности человека и историка. В данном случае, не вступая в полемику с теми, кто более всего тщился еще при жизни Владимира Ивановича опорочить научное наследие и в целом научность сотен работ первого ректора нашего Белорусского университета (а тем более с теми, кто продолжает заниматься этим до настоящего времени), позволю обратиться к некоторым документам, которые до сих пор не нашли должного отражения в историографии в целом и в «пичетоведении» в частности.

В название публикации счел уместным внести две метафоры. Первая, за авторством самого В. И. Пичеты, взята из его предсмертного письма от 9 июня 1947 г., обращенного к жене Александре Петровне (известно, что историк умер от тяжелой болезни, находясь в Кремлёвской больнице). С грустным юмором он трезво оценил своё состояние — «Так заканчивается „Жизнь и похождения В. И. Пичета“» [1, л. 88]. Вторая же принадлежит близкому другу и коллеге, специалисту в области всеобщей истории В. Н. Дьякову. Владимир Николаевич в письме от 2 июня 1943 г., посланном из Москвы в Ташкент, где в военные годы находился Владимир Иванович, вспоминает как время своей работы в БГУ («Минский период жизни», по словам историка), так и совместные поездки по маршруту Минск–Москва и обратно в, по его словам, — «профессорском вагончике», когда было возможным кулуарно, не таясь обсуждать самые разные темы [2, л. 1]. В начале 1920-х гг., то есть когда только закладывались основы деятельности БГУ, белорусское правительство в условиях по сути коллапса на железных дорогах и в коммунальном хозяйстве выделяло такие «вагончики» для первой университетской профессуры, чтобы приглашенные ученые могли с удобствами перемещаться из Москвы (где проживали семьи) к месту работы в Минск. Подобная привилегия позволяла приглашать из советской России крупных специалистов разных областей знаний.

Вот как эту ситуацию самых первых лет деятельности университета уже в октябре 1926 г. Правление БГУ излагало в разделе «Асабовы склад Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту» годового отчета: «Пытанне аб запрашэнні настаўніцкага персаналу ў БДУ і аб далейшым запаўненні вольных катэдраў новымі навуковымі працаўнікамі было адным з самых цяжкіх і адказных задач Праўлення, якое сустракала, здавалася, на кожным кроку неперажывальныя перашкоды. Нястойкасць новых Універсітэтаў у РСФСР і закрыццё шэрагу апошніх на працягу 1921/22 году прымушала

многіх выкладчыкаў адмаўляцца ад выказанай згоды пераехаць у Менск. Блізкасць граніцы і неазначнасць польска-савецкіх стасункаў таксама з'явіліся тормазам для пераезду паасобных выкладчыкаў у Менск.

Праўленню прыходзілася перамагаць вялізныя перашкоды, каб мець у Універсітэце кваліфікаваны склад выкладчыкаў, бо нельга было абыйсціся толькі тымі навуковымі сіламі, якія знаходзіліся ў самым Менску. Праўленню было ясна, што Універсітэт ня будзе забяспечан навуковымі сіламі, калі запрапанаваць усім выкладчыкам адразу пераехаць у Менск. Пры гэтым Універсітэт ня меў і кватэр у тэй колькасці, якая была патрэбна для усіх прафэсароў, калі б яны усе пажадалі прыехаць у Менск. Дзеля гэтага, прыходзілася пагадзіцца з тым, што ў першым годзе дзейнасці Універсітэту пэўная частка выкладчыкаў будзе прыязджаць ў Менск для чытання лекцый. Разумеецца, падобныя наезды павінны былі вельмі адмоўна адбівацца на пастаноўцы заняткаў, але з гэтым трэба было гадзіцца, бо іншага выхаду з тагачаснага становішча ня было. Праўленню прыходзілася так рэгуляваць прыезды прафэсароў у Менск для чытання лекцый, каб гэтыя прыезды былі рэгулярнымі і доўгачаснымі. Звычайна, профэсар прыязджаў раз у месяц на досыць працяглы час. Універсітэт у залежнасці ад гэтых прыездаў і складаў расклад лекцый» [3, л. 28–29].

Разумеецца, в небольшой публикации не представляется возможным представить даже малую часть сюжетов из жизненных и творческих «похождений» великого историка. Для возможного в будущем полноценного издания развёрнутой биографии Владимира Ивановича уже десятилетиями накапливается разнообразный документальный материал и научно-теоретические публикации по общим и частным сторонам жизненного и творческого пути, осиленном В. И. Пичетой за неполные 69 лет. О его начале, когда будущий историк еще не мог предполагать дальнейший ход своей жизни, он кратко поведал в, пожалуй, чуть ли не первой автобиографии. Она хранится в личном деле выпускника Московского императорского университета, которое сформировалось по итогам испытательных выпускных экзаменов по окончании историко-филологического факультета. Сегодня «ДЪЛЮ историко-филологической испытательной комиссии о Пичета Владимиръ» можно изучить, обратившись к фондам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) [4, л. 418–476]. В данном случае сделаем экскурс по его наиболее интересным страницам. И начнем с автобиографии, уместившейся на одном рукописном листке. Почерк Пичеты-студента еще вполне разборчив, за исключением одного слова весь текст читается почти без особого напряжения (даже хорошо различимы характерные для того времени «и», «і», «ъ»). Автобиография

содержит, по нашему мнению, некоторые новые детали, в том числе и касательно начала вхождения Владимира Ивановича в мир исторической науки. Приведем её полностью, сохранив особенности правописания:

Пичета

Автобіографія

Родился я 9 Октября 1878 года в городе Полтавъ. 9 летъ я поступил въ Полтавское духовное училище. Перейдя въ первый классъ, я перевелся въ приготовительный классъ Витебской Гимназіи, где и пробылъ два года, после чего перевелся въ Полтавскую гимназію, которую и окончил въ маѣ 1878 года. По окончаніи гимназіи я поступилъ на историко-филологический факультетъ Московскаго Университета. В немъ я пробылъ четыре года. Помимо предметовъ, требуемыхъ Университетскимъ уставомъ, я обратилъ особенное вниманіе на изучение русской исторіи, которою и занимался. Помимо обязательныхъ работъ я участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ, ?-нныхъ приватъ-доцентами Любавскимъ и Довнор-Запольскимъ.

Подпись (Владимір Пичета)

За листком автобиографии в «Деле» содержатся две рукописи выпускных работ В. И. Пичеты:

- 1) *«Причины возникновения и силы средневекового папства»*. Данное рукописное сочинение выполнено Владимиром Ивановичем на 12 листах большого формата. Испытательная Комиссия оценила его на *«весьма удовлетворительно»*;
- 2) *«Удельный порядок княжеского владения и поглавнейшие следствия»*. Это также рукописное сочинение Пичеты-студента на 9 листах большого формата. И оно оценено на *«весьма удовлетворительно»*.

В целом же все полученные В. И. Пичетой в 1901 г. оценки за письменные и устные ответы на выпускных экзаменах зафиксированы на типографском бланке Диплома установленного на то время образца и датированы 5 сентября этого года:

- 1) сочинение (*«весьма удовлетворительно»*);
- 2) по письменным ответам: по русской истории (*«весьма удовлетворительно»*); по всеобщей истории (*«весьма удовлетворительно»*);
- 3) по устным ответам: по греческому языку (*«весьма удовлетворительно»*); по латинскому языку (*«весьма удовлетворительно»*); по русской истории (*«весьма удовлетворительно»*); по древней истории (*«весьма удовлетворительно»*); по средней истории (*«весьма удовлетворительно»*); по новой истории (*«весьма*

удовлетворительно»); по истории церкви (*«весьма удовлетворительно»*); по истории славянских народов (*«весьма удовлетворительно»*); по истории новой философии (*«удовлетворительно»*).

Таким образом, из 11 испытаний студент Пичета 10 выдержал, выражаясь современными оценочными категориями, на «отлично» и лишь один экзамен был оценен Испытательной Комиссией на «хорошо». Нельзя не отметить, что выпускные документы будущего выдающегося историка были подписаны двумя знаковыми интеллектуалами России рубежа XIX–XX вв. Первой в документах стояла подпись председателя Испытательной Комиссии в Московском университете, незаурядного филолога-слависта и архивиста Константина Яковлевича Грота (он также возглавлял и аналогичную комиссию в Харьковском университете). Вторая же подпись принадлежит бывшему ректору Московского университета (в 1893–1898 гг.), а с 1898 г. попечителю Московского учебного округа, крупному математику Павлу Алексеевичу Некрасову.

В последующие годы за свою профессиональную карьеру Владимир Иванович написал десятки разных по объему и насыщенности фактическим материалом «автобиографий». В одной из таковых он, почему-то назвав ее «краткая», весьма подробно изложил свой жизненный и творческий путь с момента получения диплома об окончании Московского университета и до знакового в личном и историческом плане 1939 г. Автобиография в виде рукописи-оригинала хранится в личном фонде академика В. И. Пичеты в Архиве Российской академии наук. Этот текст с уже на то время почти нечитаемого авторского оригинала переписан Александрой Петровной — женой историка. Однако в него Владимир Иванович собственноручно внес многочисленные правки, дополнения, уточнения. Можно предположить, что этой автобиографии он придавал большое значение: видимо, она должна была не только представить важнейшие, по его мнению, вехи жизни, но и быть читаемой любым заинтересованным человеком. Сам ученый прекрасно понимал, что его почерк для большинства даже близких людей почти не разборчив. Поэтому-то и доверил жене переписать свой текст, который затем вычитал и поправил отдельные слова и фразы, но главное — добавил ряд новых фактов из прожитого [5, л. 1, 1 об., 2, 2 об.]. Весь текст опубликован, в публикации все редакторские правки сохранены — они выделены курсивом [6, с. 48–50]. В данном случае уместно полностью воспроизвести публикацию (автор имел к этому непосредственное отношение), так как в ней каждый приводимый факт отражает наиболее важные жизненные и творческие «похождения» Владимира Ивановича, развитие его служебной карьеры.

«Краткая автобиография.

Родился в Полтаве в 1878 г. в семье преподавателя и окончил гимназию в 1898 г.

Окончив в 1901 г. Моск. Университет по историко-филологическому факультету, уехал преподавателем в провинцию и вернулся в Москву в сентябре 1905 г.

В этот период в г. Екатеринославе я, единственный из педагогов, принял активное участие в митинге-протесте против избиения полицией учащейся молодежи в Курске. Публично отказался присутствовать на панихиде по убитом вел. князе Сергее Александровиче, в виде наказания за что был назначен к переводу в Бессарабию, в Болград, обучать молдаван (и валахов. — *сост.: последнее слово зачеркнуто рукой Пичеты*) русскому языку, куда я не поехал.

По возвращению в Москву в сентябре 1905 г. начал готовиться к профессорскому званию, зарабатывая на жизнь себе и своей семье преподаванием в средней школе и на Высших Женских Курсах (до 36 уроков в неделю), и стал приват-доцентом в 1910 г. (не будучи оставленным при Университете), но был им только 6 мес. — конец 1910 г. и начало 1911 г., т. к. ушел из Университета ..?.. протеста против политики Кассо. На Высших Женских Курсах читал курс истории Украины, в котором проводил идеи автономии и права Украины на самоопределение. В Университет вернулся только с Октябрьской Революцией 1917 г. В этот же московский период жизни преподавал на известных Пречистинских Курсах для рабочих (1906–1907), откуда был изгнан приказом директора народных училищ в эпоху реакции.

Много читал лекций в провинции на курсах для народных учителей, пока это мне не было запрещено московской администрацией; московская администрация наложила запрет и на мое выступление в Москве на юбилее украинского писателя Шевченко (1911).

В 1912 г. на торжественном акте в Практической Академии Коммерческих наук в присутствии Джунковского в своей речи я не побоялся назвать Бородинскую битву поражением, а не победой¹ (*от сост.: этот абзац Пичета пытался редактировать, но затем зачеркнул и свои поправки-дополнения, и весь абзац*).

¹ Автору ранее удалось выявить, проанализировать и опубликовать текст данного выступления В. И. Пичеты перед московским бомондом во главе с генерал-губернатором В. А. Джунковским. Будучи запрещенным к публикации в России, он вышел в одном из журналов в Лондоне [См.: *Яноўскі А. А. Малавядомы артыкул У. І. Пічэты «Барадзіно» ў праламленні праз лёс і творчасць гісторыка // Беларускі гістарычны часопіс. 2012. № 11. С. 5–13*].

В июле 1918 г., когда Деникин был близок к Москве, когда московская интеллигенция боялась «скомпрометировать» себя работой на «советской службе», я, не прекращая ни на минуту за все это время работы в школе, поступил на службу в Центроархив в качестве главного инспектора и затем начал преподавать в нескольких военных школах; как-то:

- а) Военный педагогический ин-т,
- б) Высшая школа командного состава,
- в) Школа военной маскировки,

где меня ценили и не хотели отпускать, пока расширившаяся работа в Центроархиве не заняла всего моего времени. *В 1920 г. участвовал в Рижской архивной конференции.*

В 1921 г. отдался делу организации Белорусского Гос. Университета в Минске, оставив для этого Москву и кафедру в Моск. Гос. Университете (1924), и был ректором (а также профессором) Бел. Гос. Унив. в течение 9 лет (1921–1930).

Осенью 1920 г. принимал участие в переговорах с Литвой и Польшей по реализации Московского и Рижского договоров и сумел научными доказательствами обосновать невыдачу „Литовской метрики“, из-за которой шла борьба. *В 1929 г. был командирован ЦИКом БССР в ..?.. ..?.. для научных занятий.* В 1926 г., во время сильнейшей оппозиции за границей по отношению к Советскому Союзу, по просьбе нашего посольства в Праге, в „О-ве сближения Чехословакии с СССР“ прочел доклад о БССР и советском строительстве.

Тогда же в Праге я прочел лекцию на белорусском языке белорусским студентам — выходцам из Западной Белоруссии, среди которых было немало враждебных СССР.

В октябре 1925 г. был командирован ЦИКом БССР на съезд польских историков в Познани, как представитель БССР.

В 1926 г. я был командирован ЦИКом БССР в Польшу для научных занятий на 2 месяца и работал в Варшаве и Кракове. В Варшаве, когда Польша проводила политику сближения с СССР, по поручению нашего посла т. Войкова посетил ряд польских профессоров в означенных целях.

В июне 1927 г. был командирован ЦИКом СССР на международный съезд историков в Осло (сост. — далее рукой Пичеты зачеркнута целая фраза: видимо, делалась попытка пояснить свою роль на этом съезде).

Принимал участие с речами (сост. — последнее слово Пичета зачеркнул) в политических выступлениях против агрессивной политики Польши. Писал статьи в белорусских газетах против польской политики в Зап. Белоруссии. Выступал на съезде научных работников в Москве с протестом против поляков во время процесса „Громады“.

С 1921 по 1930 г. был членом съезда Советов Белоруссии и несколько раз членом Президиума, *а также ЦИКа БССР (сост. — свою поправку Пичета зачеркнул).*

С 1922 по 1930 г. состоял членом Минского горсовета.

Был президентом Общества Безбожников — в Бел. Гос. Университете, выступал на Всебелорусском съезде безбожников.

Был *избран в январе 1928 г. действ.* членом Белорусской Академии Наук.

За свою общественную и научную работу в БССР (подчеркнуто рукой Пичеты. — сост.).

а) получил звание «заслуженного профессора» — в феврале 1926 г., на что вся белорусская пресса откликнулась многочисленными статьями, и б) был избран в члены ЦИКа БССР с 1921 по 1930 г. (9 лет).

1931–1935 гг. находился в административной высылке сначала в г. Вятке, где работал нормировщиком, секретарем и экономистом-плановиком в кооперативе общественного питания (1931–1934 гг.), и затем в г. Воронеже, где состоял профессором Воронежского Педагогического Института (1934–35 учеб. год). После пересмотра дела был досрочно освобожден и переехал в Москву.

1935–1936 гг. профессор Института Хлебопекарной Промышленности и преподаватель рабфака им. В. И. Ленина в Москве.

1936–1938 гг. преподаватель рабфака им. В. И. Ленина, *с 1938 г. проф. Москов. Педагогического Института и Московского Университета.*

С 1937 г. старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук СССР.

В 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

С 1939 г. — заведующий сектором славяноведения Института Истории АН СССР и заведующий кафедрой славяноведения на истфаке Московского университета.

Подпись (В. Пичета)»

Разумеется, Владимир Иванович в автобиографически-бюрократическом жанре никак не мог обозначить все свои жизненные, даже (в первую очередь) административные и творческие «похождения» 1920–30-х гг. А тем более дать им хотя бы краткие пояснения. И сегодня, несмотря на немалое количество публикаций разных жанров о тех или иных сторонах жизни выдающегося историка, так и не создано системное научное произведение о нем, о его роли в становлении и развитии в Беларуси хотя бы только двух важнейших сфер, без которых не могла состояться ее государственность, не было бы перспектив для развития общества и человека, — высшей школы и академической по форме и содержанию науки. Однако более всего грустно, что до сих пор так и не оценена по достоинству его роль в

стремлении чуть ли не убедить белорусов в их исторической, этнической, языковой, культурной исключительности в ряду восточных и западных соседей. Как и на основе систематизации всевозможных научных доказательств, накопленных за предшествующие чуть ли не сто лет, определить территориально-географические границы расселения и проживания как предков белорусов, так и того населения БССР, которое по всем признакам принадлежало к единой этнической целостности. Даже если и не воспринимало себя таковыми. Конечно, тогда вряд ли «рядовому» белорусу было возможно осилить научные работы, например, того же Е. Ф. Карского. Но в данном случае не удержусь, чтобы не процитировать строки из стихотворения Янки Купалы, написанные им в 1921 г. — как раз в год начала деятельности Белорусского университета, в стенах которого во многом благодаря ректору стали использоваться различные формы активизации осознания белорусами своей исключительности, самодостаточности во всех их проявлениях. В числе таковых были регулярно проводимые творческие вечера белорусских поэтов и писателей. В это время Владимир Иванович тесно был знаком с песняром. В его стихотворении «Сын і маці» в поэтической форме были очерчены территориальные границы еще только политически формирующейся белорусской государственности. Разумеется, как они воспринимались пока еще только в интеллектуальной среде белорусов. Стихотворение построено в форме диалога, когда сын задает вопросы своей маме. Среди них: мол в школе говорят «Аб якойсьці Беларусі», но он не может «уцяміць што гэта знача». Мать отвечает:

«Там пльвуць Дняпро і Сожа
Ды Дзвіна і Нёман,
Белавежы, Налібокаў
Там чуваці гоман.
[...]
Во ўсё гэта, мае дзеткі,
Ад межаў да межаў
Беларусяю завецца
Й да цябе належа».

А на сыновий вопрос «...што ж такое беларусы» мать отвечала:

«Дык жа ўцямі: на Беларусі
Жывуць беларусы.
Ды яшчэ, каб лепей ведаў,
Мушу табе ўспомніць:
Беларусы беларускай
Гутаркай гамоняць».

А это язык — «гаворка», когда на нём в деревнях «кажа дзядзька, цётка..., пяюць улетку жнеі..., бабуля баіць казкі..., мы з табой гуторым...» [7, с. 187–189].

Владимир Иванович, уже являвшийся глубоким, разносторонним ученым-историком, видел свою важнейшую миссию в этническом и политическом просвещении белорусов. И стремился всю сознательную жизнь ее исполнять. В условиях начала 1920-х гг. (как, впрочем, и в современных) актуально было определить государственные и этнические границы, в которых в исторической ретроспективе проживали предки белорусов, ставших советскими. В. И. Пичета, как никто другой, пытался на научной основе дать обоснование этим границам. Впервые всесторонние доказательства он привел в хорошо известном исследователям документе — «Справки об истории Белоруссии и белорусов, Угорской Руси, о русско-польской границе, этнографической границе в Галиции, Венгрии, Буковине и Бесарабии и др., составленные В. И. Пичетой и Д. Н. Ушаковым и др. для работы Российско-Украинской делегации при заключении Российско-украинско-польского мирного договора в Риге». В его архивном оригинале от 1920 г. имеются рукописные правки двух авторов. Вновь обратимся к цитированию:

«Исторические судьбы Белоруссии и Украины.

I. История Белоруссии.

Территория, на которой белорусскому племени приходилось переживать свои исторические судьбы, является частью восточно-европейской равнины, помещенной в четырехугольнике рек — Зап. Двины, Немана, Припяти, Днепра с Березиной. По всем данным белорусская территория была занята кривичами, которых начальная летопись помещает там, где позже появляются белоруссы, в родстве с ними находились другие славянские племена — дреговичи. Обособление белоруссов привело к образованию белорусского языка. Термин „Белая Русь“ встречается у немецких писателей уже в XIV ст.

Вхождение белорусского племени в состав Литовского государства имело для первого огромное значение. Литва, подчинившаяся культурному влиянию белоруссов, была чужда всяких стремлений к денационализации Белой Руси. Белорусские земли, войдя в состав Литовско-Русского государства, заняли в последнем не одинаковое положение. Черная Русь и волости в бассейне Березины, Среднего Днепра и Сожа, т. е. приблизительно нынешние Гродненская, Могилевская и Виленская губернии непосредственно слились с литовским государственным ядром, под названием Великого Княжества Литовского. Северная половина Белоруссии образовала три автономных области — Полоцкую, Смоленскую и Витебскую.

Заключение Литовско-Русским государством парламентской унии с Польшей не отразилось на белорусской территории.

Далее полонизация и русификация белоруссов. Судьба Белоруссии была решена в эпоху разделов Польши... С переходом Белоруссии под власть России наступает новая эра в истории Белоруссии. Русское правительство стало на путь борьбы с полонизацией края. Началась политика русификации... Тем не менее, Белоруссия сохранила свою этнографическую обособленность от Великороссии. Белорусская речь вместе с остальными пережитками белорусской старины продолжает жить на территории белорусского племени. В значительной степени этому способствовала та школьная политика, которая проводилась в Белоруссии, так как вследствие отсутствия в большинстве губерний земского самоуправления, школьное образование было весьма слабо распространено на территории Белоруссии.

...Из всех признаков национальности как культурного облика того или другого племени язык является не только главнейшим, но и самым надежным для этнографической классификации.

...Установление границ Белоруссии по языку. Часть Псковской, Тверской губерний, почти вся Витебская губерния, небольшая часть Курляндской и Ковенской губерний, почти вся Смоленская, часть Орловской, часть Черниговской, вся Могилевская, почти вся Минская, больше половины Минской, больше половины Гродненской, почти вся Виленская.

...Справки были составлены для той цели, чтобы показать политикам как протест, занявшим часть территории и Украины, что эти земли польскими не являются. Это „русские народности“, но автономные от России. В справках с помощью этнографических, статистических, вероисповеданческих и других данных это доказывается» [8, л. 55–56].

Эти научные выкладки В. И. Пичеты удивительно созвучны поэтическим строкам Янки Купалы. Почти все приведенные доказательства, имевшие очевидную политическую востребованность, в последующем Владимир Иванович как бы разверстал по многим своим научным работам, посвященным разным аспектам белорусской истории. Важно, что он с убежденностью ученого и искреннего патриота Беларуси призывал белорусов, если можно так сказать, исходить в своем понимании прошлого и настоящего своей родины из их исключительности и самодостаточности. Свои обширные познания в самых различных хронологических периодах и тематических сюжетах белорусской истории, как и истории российской и всех без исключения славянских стран он воплотил в текстах «Истории Белорусской ССР», которые в основном до сего времени сокрыты в архивных фондах России и Беларуси.

В судьбоносном для белорусов 1939 г., когда только-только Западная Беларусь воссоединилась с Восточной, Владимир Иванович, выполняя политический заказ, поступивший от ЦК КПБ(б), 16 ноября 1939 г. представил «Записку», озаглавленную «Да пытання аб паўднёвай мяжы БССР». После воссоединительного похода Красной армии сразу возникла проблема «дележа» между БССР и УССР изменившихся пограничных территорий. И эту проблему, конечно, мог разрешить лишь сам Сталин. Поэтому первый секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко запросил научное обоснование своего предложения, которое он должен был представить на суд вождя. Если кратко: Владимир Иванович после чуть ли не 14 страничной научной аргументации подвел ее итоги, состоявшие из 9 пунктов. Главный вывод заключался в том, что «В экономическом и историческом отношениях вся территория Белоруссии с Брестом, Кобрином, Пинском представляет одно целое», также как и неразрывные экономические связи всегда существовали между Брестом, Пинском, Туровым и Мозырем [9, л. 15].

Уже после окончания Великой Отечественной войны историк более детально (с приведением массы источникового материала и анализируя десятки научных концепций предшественников) и пространно изложил свое понимание столь остававшегося острым вопроса о «происхождении белорусского народа» [10]. Незадолго до ухода из жизни В. И. Пичета как бы определил перед собой задачу подытожить многолетние научные изыскания по самому коренному и многослойному по смысловым концептам вопросу белорусской истории: «Откуда мы?», «Кто мы?», «Каковы мы в окружающем мире?». Этот вопрос в концентрированном виде пытались решать и до, и после него. И пытаются, в силу научной компетентности и даже «современной необходимости», решать по сей день немало историков, а также исследователей иных направлений гуманитарных знаний [11; 12; 13; 14; 15]. Но все же стоит вспомнить, что еще в 1918 г., а затем в 1924 г. В. И. Пичета одним из первых принялся за осмысление накопленных знаний и их развитие на новой источниковой основе сначала в своих публичных лекциях в Белорусском народном университете в Москве [16], а затем, уже будучи ректором БГУ, в небольшой книге, вышедшей также в Москве [17]. К чести БГУ, обе эти работы были в начале 2000-х переизданы и стали общедоступными для заинтересованного читателя (правда, автору пока не удалось вспомнить ни одной ссылки на них в работах современных исследователей...).

Но только ещё предстоит поднять с архивных полок многострадальную рукопись учебника под общим названием «История Белоруссии», созданного в Институте истории АН БССР и предназначавшегося, как было вначале указано на титульном листе (эта строчка кем-то вымарана

чернилами. — О. Я.), «для студентов исторических факультетов» [18, л. 9]. Из 990 машинописных страниц В. И. Пичете принадлежат 664. Остальные написали его близкие коллегии: А. П. Пьянков, К. М. Поликарпович и И. Ф. Лочмель, а научно-справочный аппарат составил Н. С. Мохнач. С конца 1930-х гг. вокруг этого коллективного труда в течение чуть ли не 10 лет шли нешуточные политические баталии, а впоследствии лишь изредка он становился предметом интересов исследователей. Но никто так и не удосужился озадачиться его изданием. Хотя бы в качестве исторической и историографической данности...

Сегодня рукопись учебника находится в Отделе редкой книги Национальной библиотеки Беларуси. Она разделена на два тома, хотя учебник предполагался однотомным [19]. Не отвлекаясь на изложение истории написания данного текста и его поистине злосключения в условиях предвоенных и военных лет (об этом писал и автор, и некоторые его коллеги), сошлёмся только на небольшую записку супруги В. И. Пичеты. Записка приложена к рукописи и пронумерована как страница «1». В ней Александра Петровна Пичета констатирует, что «Работа не опубликована. Летом 1943 г. в Москве В. И. Пичета, вернувшись из эвакуации, передана Т. Горбунову (из Отдела Агитации и Пропаганды ЦК партии Белоруссии)».

В ОРКНББ хранятся и два письма, адресованные В. И. Пичетой своему коллеге, директору Института истории АН БССР академику Н. М. Никольскому. Пока более всего поддалось прочтению первое из этих писем. В нем хорошо чувствуется «роспач» историка, непонятого и даже отвергнутого не только на высшем властном уровне, но и одним из близких коллег. Письмо дает возможность прочувствовать «закулисье» той ситуации, которая означала крах перспектив издания, столь долго готовившегося в довоенное и уже военное время учебника по белорусской истории (*затруднения в прочтении некоторых слов обозначены знаком вопроса*):

Письмо В. И. Пичеты М. Н. Никольскому 05 декабря 1946 г.

Узкое 5.ХІІ.46

Глубокоуважаемый
Николай Михайлович

Так как я находился в Узком, то мне не были известными ни Ваше письмо, ни телеграмма. Этим объясняется мой запоздалый ответ, и прошу Вас не поставить это мне в вину. Я должен Вам сообщить, что при сведении ??? тов. Пономоренки, мне было предложено написать обстоятельную (?) историю Белоруссии, на что я дал согласие. Поэтому, мне статью посылать неудобно, тем более, что эти главы Вами розданы другим.

Помимо этого я считаю для себя неудобным, чтобы меня редактировал малограмотно ?? редакцию тов. Горбунов, и так уж ? в течение трех лет усердно навязываемую Вами, о которой должны доходить слухи. Впрочем, я пытался сообщить ????. В будущем году я намереваюсь посетить Минск и, если Ваша «милость свою ласку вчинит» и позволит мне прочитать доклад, то я с удовольствием это сделаю. В Минск я часто приезжать не могу: на моих плечах «Институт славяноведения» и филиал АН СССР в Смоленске, то есть работы будет много.

Чтобы там ни было, как бы в Белоруссии ко мне не относились (я дал слово в ЦКП бывая в Минске), я продолжаю свою работу по истории Белоруссии ????, в Белоруссии моих работ просто печатать не будут, ????. Слышал я о планах Савича, который ?? Президиум о Вас. Савич и Бочкарев при баллотировке в чл. корр. не получили необходимые голоса. Савич, получил 5, 1 г с ?, ... с Бочкаревым, кажется пять.

Поздравляю Вас с избранием в члены корреспонденты: Вы получили при первой баллотировке 8 из 12 чел., при второй — 10 т. е. 2/3. Я теперь, вероятно, не буду связан с вступлением в АН БССР, но если надо будет АН написать какую-нибудь работу, я это сделаю с удовольствием, что, впрочем, думаю, то мне необходимо, идя по белорусским ?.

Всего Вам наилучшего.

Глубоким уважением
В. Пичета (*подпись*) [20, л. 1–3].

С тех пор объёмный текст, определяя его суть словами В. И. Пичеты, «обстоятельной истории Белоруссии» так и не был опубликован (в том числе и в белорусских издательствах) для освоения читателями, которым он прежде всего и предназначался, — студентами вузов республики. «Историю Белоруссии» продолжили писать другие, а Владимир Иванович в оставшиеся ему годы жизни сконцентрировался на славянской истории, хотя всё же сумел к 1947 г. в московских издательствах напечатать не более десяти различных текстов (в журналах и переизданиях союзного учебника «История СССР») сугубо по различным периодам белорусской истории. А после ухода из жизни творческое наследие первого ректора Белорусского университета в БССР было окончательно забыто. И это при том, что написанные им главы по белорусской составляющей «истории СССР» включались в учебные издания в советских Украине, Латвии, Эстонии, Казахстане. Лишь в 1961 г. в академическом издательстве в Москве вышла 815-страничная книга «Белоруссия и Литва XV–XVI вв.» за авторством В. И. Пичеты [21]. Ее составители и научные редакторы З. Ю. Копыцкий, В. Д. Королюк и Н. Н. Улащик собрали под одну обложку работы историка

разных лет (чуть ли не одни из первых и последних, а также некоторые материалы, ранее не издававшиеся и извлеченные из личного архива Владимира Ивановича). Все работы относились к теме, обозначенной в заглавии этого сборника. То есть являлись лишь малой частью всего «белорусоведческого наследия» историка. Характерно, что в предисловии научные редакторы почему-то не сочли необходимым обозначить смысл данного издания, всего лишь указав, что сборник предлагается «вниманию советской исторической общественности» [21, с. 3].

Таким образом, творческие «похождения» незаурядного историка-белорусоведа как бы продолжились. Однако многое из созданного им, но так и не опубликованного, на долгие годы осталось в архивохранилищах Москвы и Минска. Возможно, к 150-летию со дня рождения В. И. Пичеты одна из самых объёмных архивных рукописей — «История Белоруссии» — найдёт своего читателя. С учетом присутствия в ней также текстов трех соавторов В. И. Пичеты, известных белорусских историков (К. М. Поликарповича, А. П. Пьянкова и И. Ф. Лочмеля), а также принимая в расчет очевидную политическую zaangażованность данной работы на рубеже 1930–40-х гг., издание рукописи может стать не только источником для специалистов, но также отличным дополнением к современным прочтениям отечественной истории. Очевидно, что и сегодня *pro et contra* в осмыслении истоков истории белорусов и ее кульбитов через многие столетия в западных и восточных векторах развития требуют для углубления научной составляющей не только пополнения новыми данными, но и более внимательного обращения к наследию предшественников. Научное наследие Владимира Ивановича Пичеты, первого ректора БГУ, должно быть пополнено этим забытым многостраничным текстом.

Библиографические ссылки

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1548. Оп. 3. Д. 10.
2. РАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 81.
3. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 53.
4. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 418. Оп. 76. Д. 564.
5. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 23.
6. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.
7. Купала Янка. Вершы / уклад. А. А. Сляпцова. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988. 270 с.
8. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 47.
9. РАН. Ф. 1548. Оп. 2. Д. 69.
10. Пичета В. Образование белорусского народа (Вопрос об этногенезе. Предки. Формирование белорусского языка) // Вопросы истории. 1946. № 4–5. С. 3–29.

11. *Пьянков А. П.* Происхождение белорусского народа. Стенограмма публичной лекции, прочит. в авг. 1948 г в Минске. Минск: Гос. изд-во БССР. Ред. полит. лит., 1948. 20 с.
12. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Минск: Беларусь, 1991. 143 с.
13. *Марзалюк І. А.* Ад Русі і Літвы да Беларусі. Вытокі і генезіс беларускага народа. Мінск: Беларусь, 2025. 384 с.
14. *Смехович Н. В.* Легендарные радимичи: кто они? // Наука и инновации. 2025. № 3. С. 62–70.
15. *Смехович Н. В.* Летописные кривичи-русские: от прозвища к социальному статусу // Наука и инновации. 2025. № 6. С. 69–75.
16. *Пичета В. И.* История белорусского народа // Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. М., 1918–1920. 84 с.
17. *Пічэта У. І.* Гісторыя Беларусі. Ч. 1. М.–Л.: Дзяржвыд., 1924. 134 с.
18. История Белоруссии // Отдел редкой книги Национальной библиотеки Беларуси (ОРК НББ). Т. I. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 096/7837.
19. История Белоруссии // ОРК НББ. Т. I. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 4. № 096/7837. 511 с.; Т. II. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 5. № 096/7838. 503 с.
20. Два письма и телеграмма В.И.Пичеты, отправленные Н.М.Никольскому 5.12.1946 г. и 5.01.1947 г. // ОРК НББ. 091/343. Л. 1–3.
21. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (исследование по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 815 с.